

Катанга... Кто из людей, живущих в разных уголках земного шара, не читал или не слышал о Катанге за последние три года? Во имя получения громадных барышей иностранные монополии наняли убийц, зверски расправившихся с народным героем Конго, великим африканским патриотом Патрисом Лумумбой. Ниже мы публикуем очерки о Катанге двух авторов. Первый из них путешествовал по стране еще в 1937 году. Второй посетил ее в январе 1963 года, когда появилась надежда на установление мира...

Д. БЫСТРОЛЕТОВ

Катанга, год 1937

НЕБОЛЬШАЯ деревня лежала у подножья холма и сверху была видна как на ладони. Но ван Эгмонт все же вынул из чехла бинокль и долго рассматривал все происходящее там, внизу, на расстоянии едва ли двухсот метров. Дождя не было со вчерашнего утра, и над главной улицей деревни висело облако пыли: там возбужденная толпа жителей, галдя и размахивая руками, вприпрыжку двигалась за темнокожим человеком в грязном и мятом белом костюме, стоптанных белых туфлях и продавленной белой шляпе; в его руках болтался красный чемоданчик. Через каждые десять-пятнадцать шагов странный человек останавливался, и толпа мгновенно вплотную прижималась к нему со всех сторон. Человек ярким платком вытирал лицо, затем вынимал из кармана огромную металлическую гребенку, широким жестом фокусника снимал шляпу и минуты две-три расчесывал волосы; затем достава из чемоданчика толстую тетрадь и карандаш и, дымя папиросой, делал какую-то запись; наконец, водружал на нос огромные черные очки и смотрел на ручные часы. Толпа то в изумлении замирала, то одобрительно гудела, но человек шел дальше, а потом все повторялось снова.

ПОДСЕКАЮТ НА БЛЕСНУ

Ван Эгмонт и бельгийский инженер де Фосс сидели на веранде крохотной придорожной гостиницы и завтракали. Рядом стоял выдавший виды потрепанный автомобиль.

— Ничего не понимаю! Что там происходит? Де Фосс усмехнулся.

— Обычная в этих краях история. Подсекают на блесну.

— Кто? Кого? Это забава?

Инженер равнодушно поглядел вниз, пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Это рыбная ловля. Шахтер, благополучно отработавший на предприятиях нашего Горнопромышленного союза Верхней Катанги положенные контрактом пять лет, иногда получает честный расчет и бесплатное «приданое»: костюм, шляпу, ботинки и чемоданчик с разной галантереей. Потом отдел кадров забрасывает его вот сюда, в центральные районы Конго, в страну балуба. Здесь его возят по деревням в качестве приманки: парень демонстрирует населению чудеса нашей культуры. Вы видели, все сгорают от любопытства и зависти. Еще бы! Ведь сегодня это богатство находится в руках незнакомца, а завтра может принадлежать любому здоровому парню, если только он решится поставить в вербовочном листе крест против своего имени и своими руками, добровольно повесит себе на шею жестяной талон с номером. Потом будет и выпивка! Сейчас вербовщик поджидает вон там, в большой хижине в конце улицы, туда к нему, как к рыбаку, подойдет косяк глупых карасей. Этот парень играет роль блесны. Никакого насилия, все согласно инструкции проводится на добровольных началах. Культурно? Ха! Ха! Поняли наконец? А? Слушайте, ван Эгмонт, меняйте свои планы. На кой черт вам тащиться в Упембу¹ и еще раз видеть то, что вы уже давно знаете? Садитесь в мою машину и махнем в Верхнюю Катангу взглянуть на кусочек африканской Европы! Такого чуда вы еще не видели! Да, вот именно чуда!

Дорога была неплохая — глинобитное шоссе длиной в тысячу километров. В Касаи и Нижней Катанге она вилась по склонам гор и холмов, среди нескончаемых лесов и редких плантаций, потом стала взбираться все выше и выше, пока не вынесла обоих путников на высоту в полторы тысячи метров, на необозримые просторы плоскогорья Верхней Катанги — выжженную солнцем степь, лишь изредка оживляемую участками девственного леса, ветрозащитными полосами недавно насаженных эвкалиптов и полями арахиса, кукурузы, проса и сорго.

— В первый раз в Африке я вижу такое человеческое отношение к африканцам, — говорил ван Эгмонт. — Из родных деревень будущих рабочих везут сначала на автомашинах, потом по железной дороге, они кормятся и спят на этапных базах. А как чисто готовится похлебка и каша! Да и порции были, на мой взгляд, достаточные. Отрадно, очень отрадно, де Фосс! Тем более, что такая гуманность обходится в копеечку вашей «Юнион миньер», не так ли?

— Эй, гуманист, смотрите вперед повнимательней: в траве может скрываться и камень, и рывина! Застрять здесь не так уж приятно... Так вот о вашей человечности. Помните, пока негр живет в привычных условиях без соприкосновения с нами, он ничем не отличается от любого другого

¹ Упемба — национальный парк, заповедник в Нижней Катанге.

животного или насекомого и проявлять к нему человечность просто нелепо. Но негр, повесивший себе на шею талон с номером, делается домашним животным, скажем, ломовой лошастью с клеймом на крупе. Живая тварь в лесу не имеет объективной ценности, а эта, сидящая в вагоне, стоит изрядно дорого... Она скоропортящийся товар, ее приходится беречь. Доставка завербованного на расстояние в 800—1000 километров обходится нашей фирме не в копейку, как вы изволили сказать, а в 10 тысяч франков, что составляет около 25 процентов производственных расходов. Ну-ка, подумайте над этими цифрами! Как тут не быть заботливым?

— Так почему же все-таки рабочих не набирают в Верхней Катанге, вблизи завода?

— Верхняя Катанга — малонаселенный край. Потомки тех коренных африканцев, которые жили здесь до нашего прихода, теперь работают на плантациях и полях «Юнион миньер» — фирме надо кормить 20 тысяч своих черных рабочих и две тысячи белых служащих.

— Гм... этих потомков тоже подсекли на блесну, де Фосс?

— Нет, проще: у них подсекли землю. По существу она была ничейной, и хозяин, истощив один участок, переходил на другой. По генеральному договору с государством наша компания получила монопольное право на десятки миллионов гектаров земли. Конечно, ковыряться с мотыгой стало негде, но фирма платит сельскохозяйственным рабочим почти так же, как промышленным. И те, и другие ей одинаково нужны, вернее, кукурузная крупа нужна не меньше, чем медь. Они взаимно связаны.

— Однако у французов и португальцев я видел другое, там половина силой набранных рабочих погибает в пути!

Де Фосс насмешливо свистнул в ответ: к португальцам и французам он относился свысока.

— Э-э, там человеческий резервуар еще слишком велик, и, несмотря на бессмысленное разбазаривание рабочей силы, спрос на нее легко покрывается. Здесь не то. В Катанге потребность в людях велика и растет дальше. Пришлось набрать множество агентов, которые стали рыскать по Нижней Катанге в поисках рабочих. Контракты в те времена заключались не с рабочими, а с начальниками районов: дал взятку — получил определенное число голов. Гнали всех, кто попался под руку, старых, больных, лишь бы выполнить норму. Гнали пешком. В пути списывалась первая половина, а по прибытии в заводские бараки из-за полной неустроенности быта выбывала вторая. Огромные деньги бросались на ветер, районы набора отодвигались дальше на север, а людей все же не хватало, и с каждым годом эта нехватка становилась острее и острее. Рост производства вынудил в конце концов решительно перестроить поставку рабочей силы. В 1926 году принудительный набор был запрещен и заменен личной вербовкой. Скверный хозяин по необходимости стал хорошим хозяином, а вот приедем на заводы — и не то увидите! Глаза раскроете, мой мальчик!

ЛОМОВАЯ ЛОШАДЬ, ЧТЕНИЕ, ПИСЬМО И СЧЕТ

На юге, как раз там, куда вело шоссе, из-за горизонта показалась черная туча, низкая и тяжелая.

— Гроза надвигается! — озабоченно заметил ван Эгмонт.

— Надвигается Европа! — не без гордости ответил де Фосс.

Через час запахло гарью, и солнце потускнело. Путешественники въехали в сокровищницу несметных богатств Верхней Катанги.

Колезы с бурыми отвалами медной руды и обогатительным заводом, Жадовиль с электролитными установками и золотым блеском чистой меди, желтый Лубумбаши с серными рудниками и очистительным заводом, Лукуга и Луена, посыпанные угольной пылью, розовые от примеси марганца ручьи в Кисенге, бурые, серые и фиолетовые пирамиды урановой руды в Шинколобве, оловянной в Лубуди, кобальтовой в Руаши, бесконечные составы, увозящие из Катанги чистый цинк, кадмий, вольфрам, тантал... Тяжелые контейнеры с радием... Какое удивительное богатство! Какое бесконечное разнообразие! Подавленный великолепием сокровищницы художник на полях каждого этюда записывал шестисемизначные цифры годовой добычи. Они только поражали, но не объясняли.

Это Африка? Не верится... Вдоль политых мазутом и посыпанных углем железнодорожных путей высятся разноцветные горы руды, блестят аккуратные штабеля металлических болванок, грохочут небоскребы ящиков, бесконечно тянутся ряды железных бочек. Непрерывно отходят тяжело нагруженные составы, поезда с грохотом мчатся: одни — к морю, с добытыми в Катанге богатствами, другие — от моря, с новыми, более мощными орудиями труда. Тяжело бьется могучий пульс индустриальной жизни! Катанга никогда не спит. В три смены, днем и ночью работают ее заводы и шахты. Хилая трава, чахлые кусты, поникшие пальмы — все серое и черное от пыли и копоти, как эти закопченные склады и мастерские, как заводские корпуса и жмущиеся к ним бараки. Едкая сажа повисла в воздухе, в клубах красного, черного и желтого дыма устало плывет серое солнце, подгоняемое пронзительными свистками, грохотом, лязгом, глухим ворчаньем машин. Прокоченные пальмы, опутанные электрическими проводами, уже не воспринимаются глазом как признаки тропиков, и эти чернолицые рабочие в грязных комбинезонах также не кажутся африканцами: ведь они могли бы быть немцами или англичанами, поднявшимися из угольных забоев и не успевшими помыться!

Днем ван Эгмонт наблюдал, как равнодушно африканские шахтеры, надвинув на лоб шлем с лампочкой, входят в клетки, чтобы нырнуть под землю на глубину в двести метров; ночью он подолгу смотрел на рослые фигуры в брезентовой спецодежде, в широкополых шляпах и синих очках. Как ловко и умело в тучах искр разливали они расплавленный металл в формы! Вот на расстоянии проверяет готовое литье, вот на закате лаборант спокойно и серьезно рассматривает какую-то колбу... И это конголяне, братья тех, кто с перьями в волосах и шкурами на плечах всего дней десять назад исполнял перед художником священные пляски? «Это не старая Европа — думал ван Эгмонт, — это кусочек молодой Африки, и такой она будет когда-нибудь вся целиком, но как и при каких условиях это может произойти? Где сила, способная сначала переделать африканцев, а потом дать им счастье? Неужели это англичане и бельгийцы?»

— Наше несчастье заключается в том, что мы растем слишком быстро и не можем рассчитывать на естественный приток из Европы всяких неудачников, пьяниц и уголовников,— объяснял де Фосс ван Эгмонту. Все эти дни он показывал художнику детские ясли, больницы, дома отдыха и общественные кухни, выстроенные «Юнион миньер» для своих черных рабочих. Теперь они разговаривали в Кипуши, стоя перед несколькими белыми домиками.— У нас уже почти двадцать тысяч африканцев превращено из охотников, скотоводов и земледельцев в армию промышленных рабочих.

— У вас рождается африканский пролетариат?

— Вот именно. С опозданием на сто лет в Африке начался знакомый нам по Европе исторический процесс и с теми же последствиями... Едва появившись на свет, младенец уже пробует силы: стачка в 1921 году, волнения в 1926 и 1927 годах, забастовки в 1931 и 1932 годах, беспорядки в 1935—1936 годах. Скверно, а? Чуть ли не каждый год социальные конфликты... Теперь у нас 1937 год, а дальше будет еще сложнее, хотя мы кое-что предусмотрели.

Он показал на белые домики и многозначительно пояснил:

— Семейные индивидуальные квартиры.

— Вижу,— кивнул художник.— Вы собираетесь пристроить к этим еще девятнадцать с половиной тысяч?

— Мы не так глупы, мой милый. Производство требует пока лишь сотни две технически квалифицированных специалистов-мастеров, лаборантов, учетчиков, приемщиков. Только для них мы и будем строить такие домики, им одним создадим условия, похожие на наши собственные. Но потребности растут. Придет время, и оно уже недалеко, когда вот здесь, в Кипуши, вместо трех с половиной домиков будет стоять три с половиной тысячи. В них поселятся черные аристократы. Эта прослойка разобьет всегда недовольную рабочую массу, она будет предана нам душой и телом. Понятно? Черный цвет их кожи станет работать на нас, белых. Когда ломовая лошадь осваивает чтение, письмо и счет, она перестает быть животным и становится человеком. Вот тут-то и потребуются нам столь обожаемая вами гуманность, ван Эгмонт: сотворенного нами человека необходимо сразу же перетасовать на нашу сторону.

Наши кадровики подумывают уже о массовом наборе рабочих в Уганде и Танганьике; там освоено едва 30 процентов черного населения. Рабочие у нас в порядке профилактики несколько раз в год проходят рентгенологическую проверку, их сытно кормят, дают отдых в специальных домах, лечат. Но чтобы у них головы не закружились от самозабвения, мы постоянно в той или иной форме напоминаем им напоминание. Например, в бараках помещаем всех попеременно: балуба и баконго, конголезцев и угандцев. Хи-хи-хи!

Ван Эгмонт с недоумением посмотрел на собеседника.

— Что же в этом смешного?

— Месяц назад здесь, в Кипуши, во время очередной племенной драки было зарезано бритвами около пятидесяти человек!

В Жадовиле ван Эгмонт зашел вечером в рабочие бараки. Теснота. Ни одного больного и много острым взглядом, потом вышел, вобрав голову в плечи, точно ожидая удара в затылок. Удара, конечно, не последовало, но за грудой строительного материала он увидел опрокинутую телегу и сидя-

щих на ней рабочих. Один читал затрепанную газету, другие зачарованно слушали перевод. Потом зашумели, заспорили. Говорили на языке банту, но до слуха ван Эгмонта долетело несколько новых французских слов, как видно, заученных ими недавно — «страхование», «коллективный договор», «забастовка»...

«Нет,— подумал он удовлетворенно,— сладкая молочная каша для детей и медицинская помощь для взрослых — не великодушная подачка и даже не рациональное отношение к людям труда, господин де Фосс! Это боевая добыча, силой вырванная африканцами из лап их жадных хозяев. Пролетарии! Сегодня они вырвали кашу, завтра вырвут ключи от здешней кладовой несметных богатств. Катанга станет свободной, и свободным будет все Конго. Рабочий с газетой в руке освободит и себя и своих собратьев. Тех, кто сегодня еще в перьях и шкурах!»

ВТОРАЯ СИЛА

— Его святейшество папа весьма обеспокоен ростом социального недовольства среди наших рабочих,— задумчиво говорил темнотный аббат. Он только что вернулся из Брюсселя и Рима, и ван Эгмонт долго добивался возможности поговорить с ним наедине.

— Особое внимание верховный папист уделяет выдвижению священнослужителей из конголезцев, вот таких, как я. На наши плечи возложена благородная обязанность внести спокойствие в смятенные души африканцев, отвлечь их от земных тревог и вернуть богу.

Высокий и красивый аббат Лундула скромно опустил глаза, но его черное лицо все светилось гордостью и довольством. Ван Эгмонт напряженно слушал: этого он никак не ожидал. В церковном саду было тихо, лишь сонно жужжали насекомые, да издали доносился скрежет какой-то машины — невдалеке шла стройка.

— Вы напрасно так горячо обвиняете бельгийцев в жестокости, а нас, цивилизованных конголезцев, в предательстве национальных интересов. Нет, нет, господин ван Эгмонт, вы не сказали мне этого прямо, я понимаю, но такое заключение вытекает из всего хода ваших мыслей: англичане и бельгийцы — эксплуататоры или по крайней мере прислужники эксплуататоров. Это неверно.

Он перевел дух.

— Ведь экономический и культурный рост и у вас в Европе сопровождался многими отвратительными явлениями. Но там этот процесс растянулся на сотни лет, и все накладные расходы теперь стали малозаметными. Наша страна не идет к культуре, она прыгает в нее головой вниз. Земледельцы и охотники за несколько дней превращаются в рабочих, а вожди для себя, бельгийцы в конечном счете строят их для нас. Я не агент иностранцев, господин ван Эгмонт, я конголезский священник, преданный душой и телом бельгийцам потому, что они раз и навсегда поставили меня самого на путь, по которому идет все культурные люди Европы. Мой старший брат — крупный торговец фруктами; мой происходитель из бедного местного племени бемба, но брат женат на дочери одного из выдающихся вождей балуба, а балуба до прихода бельгийцев имели могучее государство, и тесть моего брата — влиятельный феодал, человек знатный и богатый. Брат сейчас учится в бельгийском университете. Мы не о бельгийских интересах печемся, а о своих

собственных, конголезских, об интересах родины. Мы патриоты и Конго, и Бельгии, что одно и то же: ведь мы лучшая часть нашего народа, единственно образованная его прослойка. Мы те, из числа которых когда-нибудь будут выходить министры, миллионеры, архиепископы, ученые.

Он замолчал и строго посмотрел на художника. Потом твердо и убежденно закончил:

— Англичане, бельгийцы и просвещенные конголезцы — это не две силы, а одна. Второй силы здесь нет!

— Мы вторая сила в Верхней Катанге!

Мистер Джон Гопкинс ван Ларт ласково улыбнулся и провел пухлой ручкой по лакированной поверхности стола так, будто любовно гладил Верхнюю Катангу и своего собеседника. Ван Эгмонт сидел в затемненном кабинете заместителя директора американских геологических разработок в Шинколобве. Они пили холодное пиво, и американец развивал приезжему голландскому художнику свои мысли о будущем Африки.

— Да, не удивляйтесь! — говорил ван Ларт. — Мы здесь вторая и в будущем ведущая сила. В экономике, мистер ван Эгмонт, время работает на самого сильного, а, значит, — на самого богатого. Капиталы «Юнион миньер» уже достигают полумиллиарда долларов, лет через тридцать они перевалят за миллиард. Гора денег, а? Еще бы! Но дядя Сэм, сэр, еще богаче, его могущество растет быстрее, чем объединенные силы англичан и бельгийцев, и на определенном этапе нашим сердечным друзьям окажется выгоднее включить в свой союз и нас, а потом, быть может, даже передать нам на хранение ключ от своей подземной сокровищницы. Не поднимайте брови так удивленно!

Вы, мистер ван Эгмонт, происходите из старой империалистической страны, бельгийцы и англичане также преисполнены предрассудками, обусловленными колониальными порядками. Положение наших друзей в отношении африканцев очень сложное. Америка никогда не имела колоний, это свободная страна, и в Африку она приходит с чистыми руками. Мы всем друзья и защитники, мы пока что вторая сила в Верхней Катанге, а третьей здесь не бывать!

ТРЕТЬЯ СИЛА

— Ван Эгмонт! Вставайте! Скорее! На Ремонтном началась забастовка! Хотите взглянуть?

Они энергично зашагали к Ремонтному железнодорожному заводу. По дороге врач успел сообщить, что забастовка будет недолгая, скучная и мелкая — спор на маленьком заводике из-за оплаты сверхурочной работы.

Площадь перед заводом и заводской двор были пусты. Офицер и человек двадцать белых полицейских с винтовками в руках скучали у открытых ворот.

— Даже ворота не заперты! — сердито ворчал художник, словно чем-то разочарованный. — А где же штрейкбрехеры?

Врач захохотал.

— Успокойтесь! Здесь Африка! Штрейкбрехеров у нас не бывает: нет безработных и резервной армии труда. Ведь наскоро привезенный из деревни земледелец не сможет заменить металлиста, а металлисты все забастовали. «На запас» здесь специалистов не готовят, это опасно. Локаут тоже невоз-

можен. Вот вам и характерные черты африканской забастовки! А ворота не заперты потому, что забастовка экономическая. Обе стороны нуждаются друг в друге, пошумят, поторгуются и договорятся. Слышите галдеж? Это наши вчерашние бунтари идут из бараков на поклон к дирекции! Только вначале готовят свои позиции диким шумом под окнами. Они это любят. Ну, смотрите!

Гул толпы, слышавшийся уже несколько минут, стал быстро нарастать и превратился в нестройный рев. Полицейские лениво бросили в сторону сигареты и приготовились. Врач и художник отошли в глубину двора. За забором показалась толпа. В просвете ворот выстроились цепочкой спины полицейских, а дальше бурлила плотная масса рабочих, десятки курчавых черных голов, сотни гневно вскинутых рук, и над всем этим плакат — старое брезентовое полотнище, наспех привязанное к двум бамбуковым шестам. Между пятнами нефти и рваными дырами были рассыпаны корявые буквы, и ван Эгмонт с трудом понял смысл надписи:

Бельгия — нет! Свобода — да!

Офицер тоже понял надпись.

— Назад! Назад! Оторвитесь от толпы! — заревел он своей команде сквозь невероятный шум. — Живо! В глубь двора! Лезьте в окна!

Полицейские повернулись и под градом насмешек побежали через двор к окнам завода. Толпа остановилась у ворот, вполне довольная легкой победой. Сзади, с улицы, напирала сотня людей, но дети и женщины все же протиснулись вперед. Тогда из окон грянул залп.

Все последующее потом вспоминалось художнику с удивительной ясностью — команды и выстрелы, крики и проклятия, отчаянные попытки стоявших впереди людей отодвинуться назад. Десяток людей повалился. Четверо раненых сделали несколько шагов вперед, прежде чем упасть на грязный асфальт двора. Через них потащили назад уроненный ими плакат, но полицейские захлопнули ворота, и полотнище повисло между их створками. По дырам и пятнам нефти, по кривой безграмотной надписи теперь протянулась полоса свежей крови.

В эту ночь потрясенный ван Эгмонт не спал. Перевертывая свои прежние работы широким крестом туши, он на их тыльной стороне делал новые наброски, и они ему удавались. Рождалась серия рисунков, которые должны будут показать историю конголезца, затянутого в жестокую производственную машину, начиная от «ловли на блесну» в лесной деревушке и до гибели у заводских ворот, с плакатом в руках. Серия будет называться «Бельгия — нет! Свобода — да!» Легко работая карандашом и кистью, художник в то же время думал:

«Напрасно дирекция объясняла все случившееся горячим темпераментом конголезцев, и стреляли полицейские совсем не из-за бесчинства забастовщиков. Толпа вела себя очень смирно. В быстром перерастании экономической стачки в политическую демонстрацию повинен не темперамент африканцев, а замусоленная газета, иногда попадающая в руки черных пролетариев. Полиция стреляла в нее, в этого невидимого организатора, то есть в пробуждающееся политическое сознание африканцев. Да, Верхняя Катанга — это сокровищница, но не только минеральных богатств; это прежде всего сокровищница новых людей Конго, которым суждено бороться, умирать и побеждать. Серый брезент плакатов сами колонизаторы поливают рабочей кровью, и он неизбежно станет красным пламенем. Третья сила в Африке есть, и только ей одной принадлежит будущее!»